

Справедливый общественный договор

Республиканская конституция — это конституция, которая основана на трех принципах. Во-первых, на принципе *свободы* всех членов общества как людей. Во-вторых, на принципе *зависимости* всех как подданных от единого общего законодательства и, в-третьих, на принципе *равенства* всех *граждан*. Это — единственная конституция, которая выводится из идеи непрерывного договора, на которой должно базироваться всякое правовое законодательство государства (курсив автора).

Иммануил Кант

Одним из самых влиятельных исследований первых этапов процесса общественного выбора стал труд Роулза «Теория справедливости» (1971). Эта книга вносит вклад как в моральную, так и политическую философию. Роулз, однако, опирается на труды и результаты из различных областей общественных наук и применяет свою теорию к ряду основных вопросов современности. По этой причине работы Роулза читались широкой публикой и обсуждались, а также оказали существенное влияние на экономическую литературу в целом и на исследования коллективного выбора в частности.

Теория Роулза отличается от тех концепций, которые мы обсуждали до сих пор, тем, что в ней *процессу* или *контексту* принятия решений уделяется такое же — если не большее — внимание, как и результатам этого процесса. Цель заключается в установлении ряда справедливых институтов, в рамках которых может происходить коллективное принятие решений. Не делается никаких предположений относительно того, что эти институты или принятые с их помощью решения каким-либо образом послужат максимизации социального блага (pp. 30–31, 586–587).¹ Здесь наблюдается очевидный разрыв с подходом, основанным на функции общественного благосостояния. В более общем плане Роулз бросает вызов философии утилитаризма, которая лежит в основе методологии ФОБ и которая на протяжении последних двух столетий господствовала в обсуждениях этой темы.²

¹ Здесь и далее в этой главе все номера страниц относятся к книге Роулза (1971), если не указано иное.

² Брюс Акерман (Ackerman, 1980) критикует обе теории — утилитаризма и общественного договора — как основы для выведения принципов справедливости. Он под-

Роулз начинает с разработки ряда принципов, которые можно применить к развитию «базовой структуры общества. Они должны управлять наделением правами и обязанностями и регулировать распределение социальных и экономических благ» (р. 61). Эти принципы создают основу общественного договора, и теория Роулза, очевидно, является одним из главных современных вариантов «договорной» концепции. Теория состоит из двух частей: во-первых, это аргументация в пользу договорного подхода. Здесь основное внимание уделяется описанию так называемой «исходной позиции» с которой начинается заключение договора. Моральное основание общественного договора определяется характером процесса принятия решения в рамках *исходной позиции*, которая, в свою очередь, зависит от среды, в которой она находится. Во второй части теории разрабатываются фактические принципы, лежащие в основе общественного договора. Роулз подчеркивает независимость этих двух частей. Можно принимать одну часть и не соглашаться с другой (р. 15 и далее). Этот аспект важно иметь в виду, так как разные аспекты теории Роулза подвергались критике с различных сторон и можно разделять какие-то взгляды автора, не принимая другие. Эта «двухкомпонентная» структура задает естественный способ обзора теории Роулза. После этого обзора мы перейдем к рассмотрению имеющейся ее критики.

25.1. Общественный договор

Возможно, самый легкий способ понять, как возникает общественный договор в теории Роулза, — это представить себе группу лиц, которые собрались вместе, чтобы разработать правила азартной игры, например карточной, в которой они затем все примут участие.³ До начала игры ни один участник не знает, какие ему будут сданы карты, и находится в неопределенности относительно своей квалификации по сравнению с квалификацией других игроков. Таким образом, представляется вероятным, что каждый будет стремиться установить правила, нейтральные или справедливые относительно шансов любого игрока, и можно ожидать, что все смогут договориться об едином

черкивает важность диалога как *процесса* формирования этих принципов.

Его критика теории договора, однако, кажется несколько гиперболизированной. До тех пор пока принципы, лежащие в основе либерального государства, не будут сформированы в результате диалога, это государство просто не сможет возникнуть. Если соглашение о принципах в конце концов будет достигнуто, то оно станет формой общественного договора, связывающего вместе граждан либерального государства. Диалог является важной частью процесса достижения соглашения, но не может рассматриваться как замена этого соглашения.

³ Аналогия между общественным договором или конституцией и составлением правил салонной игры часто используется Бьюкененом. См., например, Buchanan (1966) и Buchanan and Tullock (1962, pp. 79–80).

комплексе справедливых правил игры. Здесь можно ожидать, что стимул начать игру толкает к этому единогласному соглашению.

Согласно теории Роулза, жизнь — это азартная игра, в которой природа случайным образом распределяет те или иные качества личности и социальное положение (pp. 15, 72, 100 и далее). В этот момент данное естественное распределение личных качеств и случайное определение социального положения не являются сами по себе справедливыми или несправедливыми (p. 102). Но несправедливым для общества является просто принять такие случайные результаты или установить институты, которые увековечат и разовьют их далее (pp. 102–103). Таким образом, справедливыми общественными институтами будут такие, которые смягчают последствия случайного распределения положений индивидов в структуре общества.

Чтобы сформировать такой ряд общественных институтов, индивиды должны отрешиться от знания своих собственных способностей и положения в обществе, пройдя через *вуаль неведения*, закрывающую любые факты, которые могли бы позволить индивиду предсказать его социальный статус и выгоды, которые он обретет при данном наборе принципов (p. 136 и далее). Пройдя через «вуаль неведения», все индивиды оказываются в *исходной позиции* полного равенства, где они обладают одинаковой информацией о вероятном воздействии различных институтов на их будущее положение. Исходная позиция устанавливает некий статус-кво всеобщего равенства, в рамках которого и составляется общественный договор (pp. 3–10).

Индивиды в исходной позиции, которым предстоит выбрать ряд принципов для включения в общественный договор, напоминают индивидов, собравшихся составить правила азартной игры, — с одним важным отличием. Индивиды, выбирающие правила азартной игры, на самом деле не знают, какой расклад им выпадет, и поэтому можно ожидать, что они примут справедливые правила из соображений собственной выгоды. Индивиды в исходной позиции не знают своего настоящего и, вероятно, будущего положения, потому что они сознательно лишили себя такой информации, добровольно пройдя через «вуаль неведения». Хотя в исходной позиции они могут выбирать институты исходя из собственных интересов, сам факт вхождения в *исходную позицию* является моральным поступком, чье этическое содержание основывается на том аргументе, что информация о распределении определенных «факторов является произвольной с моральной точки зрения» (p. 72). Справедливость вводится в общественный договор через беспристрастность, включенную в процесс коллективного принятия решений, через характер информации, становящейся доступной индивидам в исходной позиции. Таким образом, складывается фундаментальное представление *о справедливости как честности*.

Итак, какого же рода информация оказывается закрытой «вуалью неведения»? Мнение Роулза по этому вопросу весьма категорично. Индивидам должна быть доступна не только информация об их природных способностях, вкусах,

социальном положении, доходе и благосостоянии, но также и информация о том, к какому поколению они принадлежат, об экономическом и политическом устройстве общества и прочие сведения достаточно общего характера, которые тем не менее как утверждает Роулз, могут склонить индивидуальное решение в пользу одного ряда принципов в ущерб другому. Например, если индивид знает, к какому поколению принадлежит, то он может благоприятствовать конкретной политике в сфере общественных инвестиций либо определенной общественной ставке дисконтирования тем самым обеспечивая выгоды своему поколению за счет других. Учитывая, что индивиды в исходной позиции обладают информацией лишь очень общего характера, есть основания предположить, что принципы, на которые они согласятся, окажутся беспристрастными по отношению к обеспечиваемым этими принципами выгодам не только для конкретных индивидов или индивидов с четко определенными социальными статусами, но даже для индивидов из различных поколений и различных экономических и политических систем. Поскольку все индивиды, пройдя «вуаль неведения», имеют доступ к одной и той же информации, то все они придут к одним и тем же выводам относительно набора принципов справедливого устройства общества, которые следует включить в общественный договор. Равенство в исходной позиции ведет к единогласию относительно общественного договора.

25.2. Два принципа справедливости

Основываясь на том, какая информация имеется в исходной позиции, Роулз утверждает, что в качестве основ справедливого общественного договора должны быть выбраны следующие два принципа:

Первый: каждая личность должны обладать равными правами на наиболее полные основные свободы, совместимые с аналогичной свободой для других.

Второй: социальное и экономическое неравенство должно быть организовано так, чтобы: (а) от него можно было бы обоснованно ожидать выгод для всех, и (б) оно было бы связано с должностями и позициями, открытыми для всех.

(р. 60)

[Эти] два принципа (и это верно для всех формулировок) являются особым случаем более общей концепции справедливости, которая может быть выражена следующим образом. Все общественные ценности — свобода и возможности, доход и богатство, и основы самоуважения — должны быть распределены равномерно, кроме тех случаев, когда неравное распределение каких-либо или всех этих ценностей оказывается к выгоде каждого.

(р. 62)

Вероятно, нечто подобное «более общей концепции справедливости», упомянутой у Роулза на с. 62, могло бы появиться в ходе коллективного процесса принятия решений, если участвующие в нем индивиды не знали бы о своем будущем положении и, таким образом, были бы вынуждены действовать беспристрастно. Действительно, в некоторых отношениях исходная позиция напоминает известную задачу о разрезании пирога, когда один делит пирог на части, а другой выбирает первый кусок. По аналогии с этим примером можно ожидать, что выработанные находящимися в исходной позиции принципы будут носить уравнилельный, эгалитарный характер, подобно тем, что имеют место в общей концепции справедливости. Роулз, однако, дополняет свою теорию, выводя два приведенных выше принципа как часть *специальной* концепции справедливости, которая, как предполагается, реализуется, если общество достигло точки умеренной редкости, а также утверждая далее, что эти два принципа будут выбраны в лексикографическом порядке. Первый принцип всегда имеет приоритет над вторым (р. 61 и далее, р. 151 и далее, pp. 247–248).

Роулз защищает лексикографическое упорядочение этих двух принципов следующим образом:

Теперь основание приоритета свободы примерно таково: по мере улучшения условий жизни человеческой цивилизации предельная значимость для нашего благополучия все новых экономических и социальных благ уменьшается относительно интереса к свободе, который становится сильнее вместе со все более полной реализацией условий для равного пользования свободами. Начиная с некоторого момента становится и затем остается нерациональным с точки зрения исходной позиции соглашаться на уменьшение свободы ради увеличения материальных благ и должностных удобств. Позволим себе заметить, почему это должно быть так. Прежде всего по мере роста общего уровня благосостояния (что определяется индексом первичных благ, на которые могут рассчитывать наименее обеспеченные) дальнейшему прогрессу остается удовлетворять все менее насущные потребности человека — по крайней мере до той степени, в какой эти потребности не создаются преимущественно различными институтами и социальными нормами. В то же время уменьшаются препятствия для пользования равными свободами и утверждает себя растущая настоятельность права следовать своим собственным духовным и культурным интересам.

(pp. 542–543).

Таким образом, Роулз видит общество как все более способное «предоставлять» расширение равных свобод для всех граждан по мере своего развития; иначе, он, по сути, рассматривает свободу как некий предмет роскоши

в функции предпочтений каждого индивида. С увеличением уровня дохода приоритет свободы по отношению к другим психологическим и материальным нуждам возрастает до тех пор, пока на некотором уровне развития она не начнет полностью доминировать над всеми прочими нуждами.

Второй принцип справедливости, который Роулз называет принципом дифференциации, также содержит лексикографическое упорядочение. Благополучие наименее благополучного индивида должно максимизироваться прежде других, и единственное оправдание неравенства может заключаться в том, что оно способствует увеличению благосостояния наименее благополучного индивида или группы. При условии, что наименее благополучный достигает своего лучшего положения, путем простого расширения процесса переходят к улучшению положения второго снизу, и т. д. Таким образом, принцип дифференциации создает лексикографическое упорядочение уровней благосостояния индивидов по принципу снизу вверх. Важно отметить, что Роулз определяет уровни благосостояния не в терминах индексов полезности или с помощью какой-либо подобной субъективной концепции, а в терминах *первичных благ*. Они определены как основные «права и свободы, способности и возможности, доход и богатство», которые общество должно распределить (р. 62, также см. pp. 90–95). Здесь у нас появляется еще один пример разрыва, который Роулз пытается провести между своей теорией и классическим утилитаризмом. Принципы, положенные в основу общественного договора, должны носить общий характер. Они должны быть применимы ко всем и понятны всем (р. 132). Это требование накладывает ограничение на допустимую сложность основных принципов общественного договора. Лексикографическая природа принципа дифференциации и его формулировка в терминах объективно ощущаемых первичных благ делают его легким в применении.

Таблица 25.1. *Возможности выигрышей*

	W	B
S ₁	0	n
S ₂	1/n	1

Принцип дифференциации тесно связан с максиминной стратегией из теории принятия решений. Стратегия диктует, что индивид должен всегда выбирать вариант с самым высоким уровнем минимального выигрыша независимо от того, каковы другие выигрыши или вероятности их получения. Сила этой стратегии легко увидеть на примере, приведенном самим Роулзом при обсуждении этого принципа (pp. 157–158). Путь *W* и *B* — два варианта развития событий, например вытягивание белого (*W*) или черного (*B*) шарика из пакета. Пусть *S*₁ и *S*₂ — варианты стратегии с выигрышами, показанными в табл. 25.1. Максиминная стратегия требует, чтобы всегда выбиралась стратегия

S_2 независимо от ценности n и вероятности (p) вытягивания белого шарика, до тех пор, пока $n < \infty$ и $p > 0$. Это означает, что никто не заплатит сумму, какой бы малой она ни была, для получения какого бы то ни было крупного выигрыша независимо от того, какова вероятности выигрыша, до тех пор пока этот выигрыш не гарантирован.

Принимая во внимание консерватизм, заложенный в максиминном принципе принятия решений, Роулз предпринимает большие усилия, чтобы рационально объяснить включение этого правила в основные принципы дистрибутивной справедливости. Он выдвигает три соображения:

Во-первых, поскольку это правило не учитывает вероятность возможных обстоятельств, должна быть некая причина для столь резкого дисконтирования оценок этой вероятности.

(p. 154)

Теперь, как я предлагал, исходная позиция определена так: это ситуация, в которой применяется максиминная стратегия [и] «вуаль неведения» исключает все знания о вероятностях, за исключением самых неопределенных. Стороны не имеют никакой основы для определения вероятной природы их общества и своего места в нем. Поэтому у них есть серьезные основания относиться с настороженностью к вероятностным подсчетам, если им открыт какой-либо иной путь. Им также приходится принимать во внимание тот факт, что выбор ими принципов должен выглядеть разумным для других, в особенности для их потомков, на чьи права он будет серьезно влиять.

(p. 155)

Второй аргумент в пользу максиминного правила таков: человек, который делает выбор, имеет такую концепцию добра, что он очень мало заботится, если заботится вообще, какой выигрыш он может получить сверх минимального вознаграждения, в котором он может быть уверен, следуя этому правилу. Он считает, что не стоит уповать на случай ради возможного выигрыша, особенно если может оказаться, что он теряет многое, являющееся важным для него. Это последнее соображение дает третий аргумент, а именно: отвергнутые альтернативы приносят результаты, которые вряд ли можно принять. Ситуация включает серьезные риски.

(p. 154)

Таким образом, аргументы Роулза в защиту принципа дифференциации основываются в значительной степени на его предположении об информации, доступной в исходной позиции, и об экономических условиях, с которыми сталкивается общество. Предполагается, что общество находится в состоянии «умеренной редкости»; положение бедных можно улучшить без больших жертв со стороны богатых (pp. 127–128). Предположение об умеренной редко-

сти также играет важную роль в обосновании лексикографического приоритета принципа свободы над принципом дифференциации, как уже было замечено (pp. 127–128). Очевидно, можно представить себе ситуации, в которых индивид желает пожертвовать некоторой степенью свободы в обмен на повышение материального благосостояния или может пойти на некоторый риск стать слегка беднее ради шанса стать существенно богаче. Однако Роулз предполагает, что предельная полезность материальных выгод убывает достаточно быстро по мере роста благосостояния и что общество уже достигло уровня благосостояния, при котором такие размены и азартные игры утрачивают свою привлекательность.

25.3. Экстраполяции теории на другие политические стадии

Роулз расширяет свою теорию, чтобы рассмотреть характеристики последующих стадий политического процесса: конституционная стадия, парламентская стадия, административная и юридическая стадии. На каждой последующей стадии «вуаль неведения» до некоторой степени приподнимается и индивиды получают больше информации, на основе которой могут принимать коллективные решения. Например, на конституционной стадии индивиды получают сведения о типе экономической системы, в которой они действуют, ступени экономического развития и т. п. На каждой последующей стадии, однако, для принимающих коллективные решения индивидов знания конкретного положения индивидов и их предпочтений остаются недоступными. Благодаря этому беспристрастность сохраняется и два принципа справедливости распространяются на следующие стадии политического процесса в точно том же виде, в каком они появились в общественном договоре. Таким образом, общественный договор образует этическую основу для всех последующих стадий политического процесса. Как и на самой стадии общественного договора, Роулз рассматривает не фактические политические процессы, а скорее некую форму мысленного эксперимента, в котором индивиды размышляют по поводу принципов, которые *должны* лежать в основе общественного договора, конституции или дальнейших стадий политического процесса. В исходной позиции, как она определена для конституционной стадии, составляется гипотетическая справедливая конституция таким же образом, каким гипотетический справедливый общественный договор разрабатывался индивидами на предшествующей стадии. Эту однажды разработанную или концептуализированную справедливую конституцию можно затем сравнивать с действующими конституциями, чтобы определить, насколько последние согласуются с этическими принципами, представленными в гипотетической конституции. Разумеется, конкретизировав принципы, лежащие

в основе справедливой конституции, и предположив, что все с ними могут согласиться, можно переписать существующую конституцию так, чтобы она соответствовала этим принципам. Однако может потребоваться гигантский скачок от гипотетической конституции, сформулированной интроспективно, к фактически существующей конституции, которая была написана индивидами с реальными конфликтами интересов.

25.4. Критика роулсианского общественного договора

«Теория справедливости» вызвала такой шквал обсуждений и критических оценок, что в рамках данной главы невозможно сделать полный обзор имеющейся критики. Поэтому мы остановимся на вопросах, наиболее близких публикациям по теории общественного выбора. По-прежнему легче всего построить обсуждение вокруг аргументации Роулза в защиту договорного подхода и двух принципов, лежащих в основе формирования договора.

25.4.1. Общественный договор

До появления книги Роулза теория общественного договора пользовалась дурной славой. Историческая версия этой теории была полностью дискредитирована уже более ста лет назад, а в качестве чисто теоретического обоснования необходимости возникновения государства она многими считалась излишней.⁴ Эта критика, несомненно, справедлива с точки зрения теории общественного выбора. Теория общественных благ, «дилемма заключенных», экстерналии, существование страхуемого риска и другие подобные концепции способны объяснить, почему индивиды могут достичь единогласного коллективного решения, основываясь на собственных интересах. Итак, договор — это не более чем единогласное коллективное согласие с прописанными в нем положениями. Таким образом, любое решение, которое можно объяснить через заключение договора, можно, вероятно, столь же успешно объяснить как единогласное коллективное решение (путем голосования). Конечно, не все ситуации, относящиеся к общественным благам и «дилемме заключенных», требуют наличия государства. Но не нужно долго думать, чтобы понять — существуют *некоторые* общественные блага с достаточно сильно выраженными свойствами неделимости в обеспечении ими и неисключаемости, которые требуют участия *всех* жителей данной географической территории. Если существуют такие коллективные блага, то мы имеем объяснение единогласного соглашения об их поставке.⁵

⁴ Обзор соответствующей литературы приведен в работе Гау (Gough, 1957).

⁵ Невольное подтверждение этого хотя бы для одной категории общественных благ можно найти у Нозика (Nozick, 1974).

Мы видели однако, как поставка общественных благ осложняется «проблемой безбилетника»; кооперативное решение «дилеммы заключенных» отнюдь не преобладает. Понятие общественного договора, подразумевающее взаимные обязательства, награды за соблюдение и штрафы за несоблюдение договора, может служить полезной цели — обеспечению приверженности положениям коллективного соглашения.

В оставшейся части своей книги Роулз главным образом рассматривает проблему формирования стабильного, хорошо организованного, справедливого общества (pp. 453–504). Для этого индивиды должны следовать включенным в общественный договор принципам справедливости не только находясь в исходной позиции, но также, вообще говоря, в повседневной жизни, когда они информированы о своем фактическом положении. Считается, что одно из важных преимуществ принципов, сформулированных в исходной позиции, заключается в том, что у них больше шансов на то, чтобы им следовали в реальном мире, чем у любых их альтернатив (стр. 175–180). Для этого, однако, необходимо, чтобы эти принципы были сформулированы таким образом, чтобы всем было бы сразу понятно, какое поведение от них требуется в соответствии с ними, и, конечно, все должны быть убеждены характером самих аргументов в пользу согласия с ними, базирующегося на консенсусе, достигнутом в исходной позиции.

Выполнение первого условия в системе Роулза может быть проблематичным — чтобы убедиться в этом, рассмотрим следующий пример, представленный Хартом (Hart, 1973). Применение первого принципа Роулза (pp. 201–205) означает, что свобода индивида может быть ограничена только ради свободы другого индивида. Для этого требуется, чтобы индивиды в исходной позиции взвешивали выгоды от расширения свободы одного человека и издержки ущемления свободы другого. Частная собственность, в том числе собственность на землю, составляет одну из возможных свобод, которые Роулз включил в свою систему. Но собственность на землю может быть определена таким образом, что владелец будет вправе запретить проход через эту территорию, что, в свою очередь, окажется в конфликте с правом свободного передвижения. Таким образом, право не допускать проход и право на свободное передвижение находятся в противоречии, которое должно быть разрешено в исходной позиции. Предположим теперь, что между фермером и путешественником возникает конфликт по поводу прохода через поле фермера. Приоритет принципа свободы не сможет обеспечить выполнение общественного договора, если фермер и путешественник или два любых случайно выбранных человека не смогут прийти к соглашению относительно того, чьи права в данном случае должны соблюдаться. Однако, как было определено, исходная позиция не дает доступа к информации, необходимой для оценки приоритета различных свобод, и,

таким образом, нельзя рассчитывать на соблюдение этого важного условия общественного договора.⁶

Конфликт такого типа мог бы быть разрешен в исходной позиции, если бы индивиды обладали большей информацией в этой позиции. Если были бы известны площадь располагаемых земель, плотность населения, воздействие проходящих на продуктивность земель, альтернативы проходу и затраты на них и тому подобное, возможно, удалось бы определить, имеет ли право собственности приоритет. Может быть, удалось бы даже разработать компромиссные решения для разных по размеру участков земли, например запретить проход по участку, размер которого меньше некой заданной величины, но обязать владельцев больших участков проложить дороги для общественного использования. В любом случае, доступ к этой информации фактически позволил бы индивидам в исходной позиции делать вероятностные оценки, но «вуаль неведения», обязательная для исходной позиции, исключает такую возможность. Таким образом, принципы, лежащие в основе теории общественного договора Роулза, не могут обеспечить искомое согласие на том уровне обобщения, на котором они сформулированы.

Проблему согласия можно уподобить существованию ядра в игре, в которой люди, находясь за «вуалью неведения», выбирают принципы, согласно которым будут распределяться ресурсы после того, как вуаль поднимется. Если ядро существует, то после поднятия вуали ни один индивид или их коалиция не захочет вернуться обратно за «вуаль неведения» и создать новые принципы. Хоув и Рюмер (Howe and Roemer, 1981) показали, что принцип дифференциации, определенный как максимальное увеличение *доходов* наименее обеспеченной группы, обеспечивает наличие ядра в игре, если все индивиды крайне не склонны к риску в том смысле, что они вступят в новую коалицию только тогда, когда им будет *гарантирован* более высокий доход. Менее сильная несклонность к риску ведет к менее экстремальным (уравнительным) принципам справедливости.

Роулз явно отвергает защиту принципа дифференциации на основе индивидуального отношения к риску и подобных утилитаристских концепций (р. 172). Напротив, Роулз утверждает, что степень согласия с его договором выше, чем с набором утилитаристских принципов, на том основании, что нельзя ожидать согласия от бедных с каким бы то ни было набором принципов, требующим от них идти на жертвы ради богатых, — что допускается в рамках утилитаристской концепции (pp. 175–180). Однако, в соответствии с принципом дифференциации от богатых может потребоваться жертва (возможно, довольно существенная) ради улучшения благосостояния (возможно,

⁶ Акерман приводит аналогичные критические замечания относительно проблемы теоретизирования о том, к каким принципам придет этически мыслящий или беспристрастный наблюдатель, даже если допустить, что требуемая беспристрастность реально достижима (Akerman, 1980, pp. 327–342).

довольно незначительного) бедных. Это может привести к несогласию уже со стороны богатых.⁷ Роулз (1974, р. 144) в ответ на эту критику отметил, что «те, кто находится в лучшем положении... более удачливы и пользуются вытекающими из этого факта выгодами; и поскольку они ценят свое положение относительно других, они отдают гораздо меньше». Как бы убедительно ни звучал этот аргумент, он вряд ли может быть использован для обоснования принципа дифференциации в рамках теории Роулза. Последняя, казалось бы, утверждает, что призыв к согласию зиждется на внутренне присущей применению принципа справедливости (честности) самого принципа и предположении, что богатые согласятся с ним, находясь за «вуалью неведения». Но здесь возникает сложность. Выгоды богатых при альтернативных методах распределения исключаются из рассмотрения, так как в исходной позиции вероятностная информация отсутствует.

Исключение из рассмотрения вероятностной информации невозможно полностью обосновать теми соображениями, что она может привести к принципам более выгодным одному *индивиду в ущерб другому*. Зная число богатых и бедных в стране, но по-прежнему не имея сведений о чьем-либо доходе, все еще можно выбрать ряд правил, которые будут беспристрастны по отношению к чьему-либо будущему положению. Но эти правила, несомненно, не будут включать принцип дифференциации.⁸ Как следует из трех аргументов, предложенных Роулзом для обоснования принципа дифференциации, при наличии общего представления о вероятностях будет выбран некий принцип, подобный утилитаристскому принципу распределения, который, однако, придает некоторый вес интересам как бедных, так и богатых. Таким образом, основная причина, по которой Роулз хотел запретить доступ к вероятностной информации в исходной позиции, заключается в том, чтобы исключить рациональные вычисления средней полезности. Но, как указал Нагель (Nagel, 1973, pp. 11–12), исключение конкурирующих принципов предполагается как *следствие* выработки концепции «справедливости как честности», а не предпосылка анализа.⁹ Также отметим, что Роулз позволяет индивидам в исходной позиции получить доступ к кусочкам информации, которые особо благоприятны для выбора его двух принципов, например о том, что господствуют условия «умеренной редкости» и индивиды мало беспокоятся о том, что они получают свыше базового минимума. Утилитаристы могут настаивать на исключении этой информации в исходной позиции вместе с общей вероятностной информацией, которая препятствует выбору утилитаристских правил. В любом случае, система аргументов в пользу принципа дифференциации такова, что любой индивид, находящийся в лучшем положении, чем самый

⁷ Nagel (1973, p. 13), Scanlon (1973, pp. 198 и далее), Klevorick (1974); Mueller, Tollison и Willett (1974a); Nozick (1974, pp. 189–197).

⁸ Nagel (1973, с. 13); Mueller, Tollison и Willett (1974a); Harsanyi (1975a).

⁹ Также см. Hare (1973, pp. 90–91) и Lyons (1974, pp. 161и далее).

малообеспеченный член общества, может задать вопрос о том, достаточно ли полно были учтены его интересы в исходной позиции. Если такой вопрос действительно будет задан, то мы сталкиваемся с проблемой несогласия. Создается впечатление, что теория общественного договора Роулза и его аргументы в ее пользу предназначены целиком для того, чтобы обеспечить согласие одной-единственной группы — наименее обеспеченных индивидов (pp. 175–180).

Проблемы несогласия могут также возникнуть среди различных кандидатов на место самого неблагополучного члена общества (Klevorick, 1974). Как отмечали Эрроу (Arrow, 1973) и Харшаньи (Harsanyi, 1975a), в эту категорию, вероятно, попадут психически и физически больные и инвалиды, а также самые малоимущие. Но если определен ряд первичных благ по нескольким аспектам существования человека в обществе, индивиды в исходной позиции будут втянуты в межличностные сравнения полезности, которых как раз стремился избежать Роулз (Arrow, 1973; Borglin, 1982). Если индивиды разойдутся в ранжировании, то вновь возникает проблема несогласия, так как те, кто не был оценен как самый неблагополучный в рамках принципа дифференциации Роулза, не получают никакой поддержки от общества. Если некто искренне убежден, что его несчастье — самое тяжелое из всех возможных, затруднительно убедить его в том, что игнорирование его положения послужило выполнению принципа социальной справедливости на том основании, что в исходной позиции (в которой он не знал о своем тяжелом положении) он оценил бы свою ситуацию иначе. Теперь он фактически находится в этом тяжелом положении и осознание им этого убеждает его в том, что он — наименее благополучный.

При попытке обосновать фактическое применение принципа дифференциации и добиться согласия с ним, неизбежно приходится приводить в пример кого-то другого, находящегося, несомненно, в гораздо худшем положении. Это напоминает предложение Вэриана (Varian, 1974, 1976), заключающееся в том, что принцип дифференциации можно определить в терминах зависти; человек, находящийся в самом худшем положении, — это тот, кому никто не завидует. Здесь, разумеется, мы все равно сталкиваемся с противоречиями. Слепой может завидовать зрячему парализованному, а тот, в свою очередь, — ходячему слепому. Даже если отношение зависти из-за «вуали неведения» окажется транзитивным, то риск здесь заключается в том, что человек, чье положение будет сочтено самым тяжелым, действительно окажется наименее благополучным членом общества, например некто подобный патетическому персонажу романа Трамбо «Джонни получил винтовку». Буквальное применение этой процедуры к тому, кто находится в самом тяжелом положении, может привести к трате огромных ресурсов, но позволит добиться лишь очень незначительного улучшения индивидуального благополучия. Эрроу (Arrow, 1973), несомненно, прав, отмечая, что это особый случай, к которому принци-

пы Роулза изначально неприменимы. Но количество таких особых случаев может быть достаточно большим, и исключительно неловко исключать эти, зачастую вызывающие сочувствие и этически затруднительные ситуации из области применения принципов справедливости, поскольку это как раз те случаи, которые, казалось бы, и должны быть предметом рассмотрения этической теории.

Эти проблемы представляют собой различные варианты общей проблемы несогласия, которая уже была поднята в примере с богатыми и бедными. Создается впечатление, что большая часть аргументации Роулза о принципе дифференциации зациклена на сравнении *именно* богатых и *именно* бедных, как будто бы существуют только эти две группы и только один критерий для сравнения. Но в реальности существует множество различных методов группировки индивидов и множество различных измерений, в которых можно определять их благосостояние. Таким образом, необходимо на основании межличностного сравнения полезности провести черту, отделяющую тех, чье же положение будет признано *самым* худшим. Пока не достигнут консенсус относительно того, где должна проходить эта черта, согласия с принципами справедливости может не последовать (Klevorick, 1974), поскольку принцип дифференциации относит всех, кто не входит в группу самых обездоленных — как очень богатых, так и очень бедных, — к равнообеспеченным. Это может привести к проблеме несогласия у очень богатых, которым предлагается идти на большие жертвы ради самых бедных, и у сравнительно малообеспеченных, которые не получают никакой поддержки общества. Таким образом, утилитаристский принцип, который в определенной степени взвешивает благосостояние каждого индивида, может обеспечить более высокий уровень согласия, чем принцип дифференциации, который игнорирует уровень благосостояния всех групп населения, кроме одной (Harsanyi, 1975a).

25.4.2. Два принципа справедливости

Даже если мы согласимся с приведенной выше критикой теории общественного договора Роулза, все-таки можно рассматривать приведенные выше два принципа справедливости, основанные на понимании справедливости как честности, в качестве возможной основы для ряда политических институтов. Тогда возникает вопрос, удастся ли отстоять аргументацию, стоящую за этими принципами?

Этическая поддержка этих принципов вытекает из беспристрастности, характеризующей исходную позицию, и единогласия, вырастающим из этой беспристрастности. Является ли тогда сама исходная позиция действительно беспристрастной относительно всех конкурирующих принципов справедливости? Кажется, что при формулировке задачи, подобной той, где «свободные

и равные личности» добровольно соглашаются с принципами, которые будут управлять их жизнью, свобода должна с самого начала иметь первостепенное значение.¹⁰ Вероятно, в связи с этим не следует удивляться, что принцип свободы *выбран* в качестве самого приоритетного принципа в исходной позиции.

Аналогичные доводы против принципа различия приводит Нозик (Nozick, 1974, pp. 198–199). «Процедура, которая выстраивает принципы дистрибутивной справедливости на таком соглашении, когда рациональные личности не знают ничего о самих себе и своей истории, неизбежно приведет к тому, что принципы конечного состояния справедливости будут взяты в качестве фундаментальных» (курсив автора). Принимая во внимание, что люди ничего не знают об экономической структуре общества, о том, как получают первичные блага и другие результаты экономического и социального взаимодействия, у них не остается другого выбора, кроме как игнорировать эти промежуточные этапы вместе с любыми принципами справедливости, которые могут действовать на этих этапах, и рассматривать только конечный результат – финальное распределение первичных благ. Нозик утверждает, что такая концепция схемы выбора принципов справедливости исключает возможность рассмотрения принципов, которые управляли бы *процессом* экономического и социального взаимодействия. В частности, эта модель исключает из дистрибутивной справедливости принцип *права*, согласно которому члены общества имеют все полномочия владеть той собственностью, которую они получили легитимными путями, т. е. путем добровольных трансакций, обмена или производительной деятельности (Nozick, 1974, pp. 150–231). Чтобы выбрать такой принцип, необходимо иметь некоторые сведения об устройстве и функционировании общества — сведения, недоступные в исходной позиции.

Суть критики Нагеля и Нозика можно передать, вернувшись к приведенному выше примеру о выборе правил карточной игры. В этом конкретном примере крайне маловероятно, чтобы игроки выбрали правила, регламентирующие то или иное конечное распределение карт среди участников. Если бы все же они выбрали такие правила, то, скорее всего, те сводились бы к равномерному распределению очков среди всех участников. Но это бы уничтожило основной смысл игры, заключающийся в состязании, в выявлении способностей и умений всех игроков или их пар, которые должны показать, на что они способны, при условии случайного распределения розданных карт. Прелесть игры — в самой игре, и *все* правила должны регламентировать *процесс*, в ходе которого отбираются победители, а не *конечные расклады* карт игроков.

Я, разумеется, не собираюсь здесь доказывать, что жизнь подобна карточной игре, и, таким образом, защищать теорию «права» Нозика. Однако правомерно утверждать, что индивиды, выбирая принципы справедливости, могут наряду с рассмотрением *условий* и *процесса*, которыми определяется

¹⁰ Nagel (1973, pp. 5–11). Цитата из работы Роулза (Rawls, p. 13).

достижение результатов, рассматривать и сами эти результаты.¹¹ Ирония заключается в том, что теория Роулза, который выводит свою концепцию справедливости из процесса, посредством которого выбираются принципы, исключает рассмотрение принципов, которые впоследствии определяют социальное взаимодействие (за исключением тех, которые входят в принцип равных свобод) (Nozick, 1974, p. 207). Действительно, получается, что теория, основанная на представлении о справедливости как честности, исключает выбор принципа справедливости, который предоставлял бы каждому все, что он приобрел честными средствами, — принципа, который похож на принцип права Нозика.

Даже если мы примем ограничения, предложенные Роулзом в отношении информации, доступной в исходной позиции, и будем рассматривать проблему как одну из тех, которые касаются выбора принципа конечного распределения, то нельзя утверждать, что принцип дифференциации непременно окажется в числе выбранных принципов. Как утверждают Харшаньи (Harsanyi, 1975a) и Бинмор (Binmore, 1994, pp. 327–333), в отсутствие объективной вероятностной информации мы неявным образом, почти инстинктивно, применяем субъективные вероятностные оценки при принятии решений или, во всяком случае, поступаем так, как если бы мы их применяли. Предположим, что в приведенном выше в этой главе примере приз за правильно угаданный цвет шара, вытянутого из пакета, составляет 5 долл., а если цвет указан неправильно, никаких санкций не следует. Поскольку участие в игре ничего не стоит, любой, даже максимально не склонный к риску человек, будет готов участвовать в ней. Если человек ставит на белый цвет, подсознательно он считает, что вероятность вытаскивания белого шара равна или больше 0,5. Если он выберет черный — значит верно обратное. Если человек не знает, как поступить и, например, подкидывает монетку, чтобы выбрать тот или другой вариант, подсознательно он использует принцип недостаточного основания. Трудно поверить, что индивид в исходной позиции сможет удержаться от формирования подобных вероятностных оценок, например для того, чтобы избежать указанных выше затруднительных особых случаев с физически и психически больными людьми, а в таком случае он вряд ли выберет правило максимина.¹²

¹¹ «Запрет на информацию, необходимую для достижения единогласия, не является одинаково справедливым для всех сторон... [Он] менее применим для реализации концепций, согласно которым благополучие легко достижимо только в некоторых четко определенных типах социальной структуры, или только в обществе, которое согласованно работает для реализации определенных высших человеческих способностей и подавления низших, или только при определенных типах экономических взаимоотношений между людьми» (Nagel, 1973, p. 9).

¹² Дальнейшее обсуждение неправдоподобия максиминного критерия даже при принятии предположений Роулза, можно найти в следующих публикациях: Sen (1970a,

Также возможно, что, если принять предположения Роулза относительно исходной позиции, утилитаризм даст примерно такие же результаты, как и теория Роулза.¹³ Предположение о том, что «делающий выбор человек руководствуется такой концепцией блага, что он очень мало заботится, если заботится вообще, о том, какой выигрыш он может получить сверх минимального вознаграждения, в котором он может быть уверен, следуя правилу максимина», равнозначно предположению о быстро убывающей предельной полезности дохода (первичных благ). Это предположение, встроенное в индексы полезности фон Неймана–Моргенштерна, подразумевает крайнюю несклонность к риску и, несомненно, приведет к достаточно эгалитарным правилам распределения, хотя, вероятно, не к принципу различия — постольку, поскольку индивиды хоть сколько-то интересуются тем, что они могут получить сверх базового минимума. В более общем случае, при весьма благоприятных экономических условиях, которые существуют, когда выбрана определенная концепция справедливости, включающая принцип дифференциации и лексикографическое упорядочение двух принципов, вероятно, что утилитаризм также будет благосклонен к свободе и значительному перераспределению. Эрроу (Arrow, 1973) показывает, что аддитивная функция общественного благосостояния посредством лексикографического упорядочения поставит свободу над всеми прочими потребностями, если все индивиды действуют так, как если бы у них было достаточное состояние. Создается впечатление, что доводы Роулза о том, что утилитаризм может принести существенно иные результаты, например рабство, основаны на предположении, что утилитаристские принципы реализуются в более тяжелой экономической ситуации, для которой применима только *общая* концепция справедливости Роулза. Но эта общая концепция справедливости также допускает торг между свободой и экономической выгодой и в этом отношении напоминает утилитаризм (Lyons, 1974).

25.4.3. Экспериментальные свидетельства

В предыдущем разделе критика принципа максимина вращается вокруг оправданности предположения, что индивиды выберут его за «увальню неведения». Альтернатива чистому гаданию о том, что люди *выбрали бы*, — проведение эксперимента, с тем чтобы увидеть, что *на самом деле* выбирают люди.

Фролич, Оппенгеймер и Иви (Frohlich, Oppenheimer and Eavey, 1987) предложили студентам на выбор четыре возможных правила перераспределения (роулсианское правило максимизации низшего уровня, максимизации среднего, максимизации среднего при наличии нижних ограничений и максимизации

стр. 135–141), Arrow (1973), Hare (1973), Nagel (1973), Mueller, Tollison and Willett (1974a), Harsanyi (1975a), Binmore (1994, pp. 315–333).

¹³ Arrow (1973), Lyons (1974), Harsanyi (1975a).

среднего при наличии интервального ограничения). Студентам рассказали о том, как каждое из этих четырех правил повлияет на перераспределение, и дали возможность взвесить и обсудить достоинства и недостатки каждого варианта. В 44 экспериментах, в ходе которых студенты не знали своего будущего положения при распределении доходов, пять студентов в каждом эксперименте приходили к единогласной договоренности относительно перераспределительного правила, определяющего их финальные доходы. Ни разу они не выбрали роулсианское правило максимизации низшего уровня. Самым популярным правилом, выбранным 35 раз из 44, оказалась максимизация среднего при наличии нижних ограничений. В ходе аналогичных экспериментов, проведенных в Канаде, Польше и США, оказалось, что (1) индивиды могут придти к единогласному решению при выборе правила перераспределения, (2) почти никогда этим выбранным правилом не становилось максиминное правило Роулза, но скорее более утилитаристские правила, как то максимизация среднего при наличии нижних ограничений (Frohlich and Oppenheimer, 1992).

Хофман и Шпитцер (Hoffman and Spitzer, 1985) также обнаружили, что студенты в условиях эксперимента руководствуются принципом дистрибутивной справедливости, отличным как от однозначно эгалитарной модели Роулза, так и от чисто утилитаристского подхода к перераспределению. Выбранный студентами вариант скорее можно охарактеризовать как принцип «только десерты», — принцип, сходный с принципом права Нозика. Некоторые результаты экспериментов Фролича и Оппегеймера (Frohlich and Oppenheimer, 1992, гл. 9) также могут быть интерпретированы как свидетельствующие в поддержку выбора принципа «только десерты» при нахождении за «вуалью неведения».

25.5. Два утилитаристских довода в пользу принципа максимина

25.5.1. Принцип максимина как средство достижения согласия

Как уже достаточно говорилось, Роулз придает большое значение включению таких положений в общественный договор, которые обеспечивали бы и дальнейшее следование им. Полное неприятие им утилитаристских расчетов в основном мотивируется задачей достижения этой цели.

Бинмор (Binmore, 1994) недавно разработал теорию общественного договора, в которой он, как и Роулз, придает большое значение вопросу обеспечения согласия; при этом, как и Харшаньи, он предполагает, что индивиды в состоянии осуществлять количественные межличностные сравнения полезности

и вычислять вероятности занять то или иное положение, когда они поднимут «вуаль неведения». С другой стороны, он стремится показать отличие его теории от теорий Роулза и Харшаньи.

В частности, сам термин «*общественный договор*» не следует понимать в квази-юридическом смысле, как это делают, например, Роулз и Харшаньи. Я особенно подчеркиваю, что вовсе *не предполагаю*, будто члены общества *a priori* должны или обязаны следовать общественному договору. Напротив, я буду доказывать, что лишь такие соглашения, явные или неявные, являются жизнеспособными кандидатами на роль общественного договора, которые *сами обеспечивает* свое выполнение. Ничто не гарантирует выполнение этого самоподдерживающегося договора, кроме «просвещенного эгоизма» тех, кто считает себя его участником.

(Binmore, 1994, с. 30, курсив автора).

Бинмора допускает достаточно тонкую «вуаль неведения», которая только скрывает будущее положение конкретного индивида, находящегося в исходной позиции. Каждый человек знает свой нынешний уровень полезности, уровни полезности всех людей при любом возможном их положении в будущем и может вычислить вероятность, с какой он может оказаться в каком-либо из этих положений. Таким образом, вся информация, необходимая для максимизации ФОБ Харшаньи, имеется в исходной позиции, и рациональные индивиды составят такой общественный договор, который достигнет этой цели, *если* положения такого договора смогут реализовываться. Но нет способа принудить к выполнению этих положений, и поэтому общественный договор должен быть составлен таким образом, чтобы он был самовыполняющимся, когда люди преследуют собственные просвещенные интересы (Binmore, 1994, стр. 52–53).

Для иллюстрации сути доводов Бинмора предлагается следующий пример сообщества, состоящего из двух человек — Адама и Евы. В отсутствие общественного договора у Адама уровень полезности составляет 1, а у Евы — 2. Согласившись сотрудничать в неких ситуациях «дилеммы заключенных», они получают три возможных альтернативных состояния: $x(6, 8)$, $y(5, 10)$ и $z(4, 12)$, где первое и второе числа в скобках показывают соответственно уровень полезности для Адама и Евы.¹⁴ Поскольку Адам и Ева находятся в ситуации торга, они рассматривают только *увеличение* полезности в каждом из трех вариантов договора. Таким образом, при отсутствии любой формы неопределенности можно ожидать, что они придут к предсказанному Нэшем

¹⁴ Мы, конечно, имеем здесь дело с количественными межперсонально сравнимыми полезностями. Бинмор (Binmore, 1994, 1998) уделяет много места обсуждению преимущества и трудностей, связанных с использованием этих мер.

(Nash, 1950) решению проблемы торга — результату, максимизирующему ФОБ Нэша (см. гл. 23). Результаты в каждом из трех вариантов таковы:

$$\begin{aligned} W_N(x) &= (6 - 1)(8 - 2) = 30 \\ W_N(y) &= (5 - 1)(10 - 2) = 32 \\ W_N(z) &= (4 - 1)(12 - 2) = 30 \end{aligned} \quad (25.1)$$

Адам и Ева выбрали бы вариант y , если бы были уверены относительно их будущих статусов и могли взять на себя достоверные обязательства не нарушать условия договора в будущем.

Если бы Адам и Ева могли договориться не нарушать в будущем условия договора, но при предположении, что вероятность для каждого из них оказаться на месте другого была бы одинакова, то они проигнорировали бы статус-кво в распределении и выбрали бы вариант z , поскольку он максимизирует ФОБ Харшаньи:

$$W_H(x) = 6 + 8 = 14, \quad W_H(y) = 5 + 10 = 15, \quad W_H(z) = 4 + 12 = 16 \quad (25.2)$$

Однако, поскольку Адам и Ева не могут быть уверены во взаимных обязательствах не нарушать условий договора в будущем, они выбирают общественный договор, который ведет к варианту x — максиминному результату в виде приращений полезностей, — поскольку положения договора в случае такого выбора самореализуются.

Бинмор, как и Роулз, предполагает, что единственная угроза стабильности общественного договора может возникнуть со стороны самого неблагоприятного индивида. Адам не станет нарушать договор, который обеспечивает результат x , поскольку его выигрыш в любом другом случае будет еще меньше. Но может ли такой вариант не быть отвергнут Евой, если она знает свой статус, поскольку в любом другом случае ее доля оказалась бы больше? Отметим, что вариант x — это максиминный выбор, даже если бы выигрыш Евы составил 100 или 100 млн. Очевидно, может существовать некий выигрыш в полезности для Евы при каком-то отличном от варианта x состоянии, который побудит ее отбросить сообщество назад в состояние анархии в надежде на то, что будет выбран другой общественный договор. Если это так, тогда защита максиминного критерия как гарантии согласия проваливается. Ниже мы приводим некоторые иные критические возражения против подхода Бинмора.

25.5.2. Максмин как принцип перераспределения

Рассмотрим теорию Парето-оптимального перераспределения, впервые предложенную Хохманом и Роджерсом (Hochman and Rodgers, 1969). Богатый

Матт дарует бедному Джеффу, так как полезность Джеффа является аргументом функции полезности Матта. Если предположить, что полезность Джеффа положительным образом зависит от его дохода, мы можем записать полезность Матта как функцию доходов как Джеффа, так и Матта:

$$U_M = U(Y_M, Y_J). \quad (25.3)$$

Принимая во внимание такую функцию полезности, можно ожидать, что богатый Матт осуществит добровольные трансферты в пользу бедного Джеффа, если последний достаточно серьезно влияет на функцию полезности Матта. В мире, где больше одного бедного Джеффа, Матт получит максимальную предельную полезность, если он отдаст доллар самому бедному Джеффу. Таким образом, хотя Парето-оптимальный подход к перераспределению не может полностью обосновать максиминный принцип, он дает обоснование политики перераспределения, в центре внимания которой находится самый неблагополучный индивид или группа (von Fusterberg and Mueller, 1971). И альтруиста-утилитариста, и приверженца концепции Роулза интересует благосостояние только самого неблагополучного индивида.¹⁵

25.6. Общественный договор как конституция

С точки зрения теории общественного выбора, самый большой интерес из всех публикаций по общественному договору представляют различные варианты устройства политических институтов, основанные на этой теории. Если мы согласимся с Роулзом, что основные институты общества, в том числе его политические институты, *должны* быть выбраны за вуалью неведения, то как они будут выглядеть? Что подразумевают два принципа справедливости Роулза относительно оптимального построения конституции?

Следствия первого принципа кажутся достаточно очевидными. Общественный договор — и, как логическое следствие, конституция — должны защищать свободу. Права на свободу слова, неприкосновенность личной жизни и тому подобные — первое, что приходит в голову, когда идет речь о воплощении в жизнь принципа Роулза о равном праве граждан на свободу.

Как же обстоит дело со вторым принципом? Какие политические институты воплощают в жизнь замысел принципа дифференциации? Этот принцип имеет вполне очевидные следствия в отношении распределения доходов и богатства, или, как предпочитает говорить Роулз, первичных благ; и значительная часть его обсуждения как Роулзом, так и Бинмором может быть легко понята в этом контексте. Вопросы распределения, однако, не единственные, которые

¹⁵ Еще два утилитаристских аргумента в защиту принципа дифференциации приведены Бьюкененом (Buchanan, 1976) и Чу и Лиу (Chu and Liu, 1998).

общество должно решать. Каковы следствия принципа дифференциации или максиминного критерия для обеспечения общественными благами или для разрешения конфликтных вопросов, которые не касаются перераспределения дохода или первичных благ? Какие правила проведения выборов и голосования следуют из принципа различия?

Самое очевидное приложение принципа дифференциации к выбору правила голосования для решения связанных с общественными благами вопросов сводится к предложению придерживаться правила единогласия. Кто является самым неблагополучным членом общества, если общественные блага предоставляются в соответствии с правилом квалифицированного большинства, — один из тех, кто голосует против их предоставления. Поскольку всегда можно определить множество налоговых долей и количество общественного блага таким образом, что каждый человек улучшит свое положение, то, представляется, что максимизация благосостояния самого необеспеченного потребует постоянной переформулировки вопроса до тех пор, пока не будет найдено множество налоговых долей и количество общественного блага, с которыми все согласятся. Но против такой интерпретации принципа дифференциации могут быть выдвинуты все те же возражения, что и против правила единогласия.

Рассмотрим для примера простой вопрос, являющийся причиной серьезных противоречий в обществе: каким должен быть верхний предел скорости на автотрассах? Кто страдает от слишком высокого допустимого предела? Те, кто получает травмы в ДТП, при этом самым «неблагополучным», очевидно, является погибший в результате аварии. Какая величина скорости будет способствовать улучшению положения самого неблагополучного индивида? Настолько низкая, чтобы исключить возможность любых серьезных ДТП. Здесь очевидна крайняя несклонность к риску, характеризующая максиминный критерий как принцип выбора в ситуации неопределенности, а также непрактичность его применения к конкретным конфликтным проблемам или в качестве руководства для выбора правила голосования, предназначенного для разрешения таких проблем.

То же самое можно сказать и о применении Бинмором максиминного критерия. Вспомним, что предложенное Бинмором обоснование оптимальности этого критерия не связано с индивидуальным отношением к риску, но скорее обусловлено его заботой о предотвращении нарушений положений общественного договора после того, как поднимется «вуаль неведения». Эта цель также, казалось бы, должна подразумевать применение правила единогласия на стадии после заключения договора. Какие люди с наибольшей вероятностью пострадают от выполнения решения, принятого в соответствии с неким альтернативным правилом, например правилом квалифицированного большинства? Те, кто теряет от этого правила; те, кого «тиранизируют» применением правила, требующим для принятия решения меньше чем 100% голосов, в то

время как единогласие возможно. Кто с наибольшей вероятностью пострадает от разрешения ехать на машине со скоростью, допускающей возможность серьезных ДТП? Те, у кого нет машины и кто несет только издержки такого решения. Чтобы избежать в будущем возможности нарушений коллективных решений, необходимо избегать наличия проигрывающих от таких решений, а это подразумевает использование правила единогласия всегда, когда только возможен консенсус.

Эти комментарии не следует считать критикой теорий общественного договора Роулза или Бинмора, так как эти теории не предназначены для формирования принципов, которые общество могло бы использовать для выбора верхнего предела скорости или хотя бы для выбора правил голосования для определения этого предела. Но эти примеры ясно показывают, что перечисленные теории общественного договора не особенно полезны в ситуациях повседневного коллективного выбора. Действительно, когда Роулз объясняет, почему конституция, основанная на его принципах справедливости, будет включать правило простого большинства, он *не показывает*, как это правило логически следует из его принципов. Вместо этого Роулз предполагает, что все граждане и законодатели уже заключили справедливый общественный договор, так что «законотворческую дискуссию следует считать не соревнованием различных интересов, а попыткой сформировать оптимальную политику в соответствии с уже определенными принципами справедливости. Далее, частью моей теории справедливости является предположение, что единственное стремление беспристрастного законодателя — принять правильное решение в этом отношении» (р. 357). Если бы все законодатели обладали исчерпывающей информацией, они все знали бы, в чем состоит правильное решение, и можно было бы применять правило единогласия. Единственная причина, по которой невозможно применять это правила, — недостаточная информированность законодателей. Поэтому Роулз делает выбор в пользу правила простого большинства, используя в его защиту аргументацию, впервые предложенную Кондорсе. Оно используется как процедура осуществления выборки для агрегирования взглядов беспристрастных законодателей и тем самым для получения «лучшего суждения» насчет того, что представляет собой правильное решение (pp. 357–358).¹⁶

Я полагаю, что очень немногие из тех, кто дочитал данную книгу до этого места, разделяют убеждение Роулза в том, что законодатели — беспристрастные искатели правильных решений для общества и единственная цель политики — определять, что представляют собой эти правильные решения.¹⁷

¹⁶ Аргументация Кондорсе приведена в гл. 6.

¹⁷ Неудивительно, что Роулз не считает общественный выбор подходящим методом для определения оптимального устройства справедливых политических институтов, что хорошо видно из следующего утверждения: «Применение экономической теории к реальному конституционному процессу имеет серьезные ограничения в той

Нам следует рассматривать политические институты, выбираемые за «вуалью неведения», исходя из предположения, что политика — это *действительно* «борьба интересов», и допускать возможность, что эти интересы узкоэгоистичны. Фактически это именно та задача, которую ставили себе Бьюкенен и Таллок (Buchanan and Tullock, 1962) при написании книги «Расчет согласия». Мы рассмотрим ее в гл. 26.

Библиографические примечания

Даниелс (Daniels, 1974) дает прекрасный набор статей, посвященных анализу и критике теории Роулза (ссылки на номера страниц в этой главе относятся к репринту указанной книги). Можно сказать, что Нозик (Nozick, 1974), Риглсворт (Wriglesworth, 1985), Готье (Gauthier, 1986) и Барри (Barry, 1989) написали свои книги под влиянием теории Роулза. Двухтомный труд Бинмора (Binmore, 1994, 1998) связывает современную теорию игр с классической теорией общественного договора — от Гоббса до Роулза. Он показывает связь между данной работой и ФОб Харшаньи. Также в нем содержится исчерпывающее рассмотрение индексов полезности фон Неймана–Моргенштерна и количественного межличностного сравнения полезности. Новые идеи Джона Роулза относительно общественной справедливости можно найти в его книге, изданной в 1999 г.

мере, в какой политическая теория находится под влиянием человеческого чувства справедливости» (р. 360).